

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Избиратель как «должность»

Михаил Краснов*

Демократия за два с половиной тысячелетия претерпела эволюцию. Она возникла как одна из трёх форм государства, причём воспринималась мыслителями, как правило, весьма негативно. Но начиная с конца XVIII века демократия начинает ассоциироваться с комплексом гуманитарных ценностей, прежде всего со свободой, равноправием, признанием человеческого достоинства. Однако суть демократии – принадлежность власти народу – не изменилась. И, поскольку эта суть отразилась, среди прочего, на постепенном расширении категорий избирателей и обусловила установление всеобщего избирательного права, постольку, как считает автор, демократия может утратить то, за что её с восторгом восприняли два века назад. Автор считает, что ни жеребьёвка, ни цензы, ни неравные выборы не подходят для решения проблемы некомпетентного голосования. Поэтому предлагается другой подход, который, по его мнению, может повысить осмысленность голосования и ответственность избирателя. Исходя из концепции Л. Дюги, то есть считая, что участие граждан в выборах есть функция, а не право, автор выносит на суд читателя такие предложения, как регистрация в качестве избирателя, обязывающая принимать участие в выборах, введение квалификационного испытания для включения в состав избирателей и др.

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-13-29

→ *Демократия; всеобщее избирательное право; избирательный ценз; форма государства; форма правления; жеребьёвка; выборы*

«Помимо различия между более или менее одарёнными народами и племенами, в каждом народе и племени *двигателем культурного прогресса может быть только избранное меньшинство, а не народные массы*, слишком занятые материальным обеспечением и себя, и передового меньшинства. Разумеется, это последнее, чтобы служить общему благу, а не своим частным интересам, не может представлять замкнутую касту, а должно быть открытым для всех личных дарований».

В. С. Соловьев. Идолы и идеалы

1. «L'enfant terrible»

Долгие века демократия считалась одной из трёх *форм государства (правления)*¹, кото-

рые различались между собой «*по числу правящих лиц*» (формулировка Н. М. Коркунова²). Однако вовсе не «число правящих» отталкивало от демократии европейских мыслителей прошлого, начиная от Геродота, Перикла, Платона, Аристотеля, а их «*качество*». Во всяком случае, *политию*, по внешним параметрам схожую с демократией, Ари-

* Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: mkrasnov@hse.ru).

¹ Почти до XX века эти термины считались синонимами, хотя П. И. Новгородцев писал, что уже Ж.-Ж. Руссо различал их, так как «открыл теоретическую возможность для нового понимания демократии как *формы государства*, в котором верховная власть принадлежит народу, а *формы правления* могут быть разные» (Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Нов-

городцев П. И. Сочинения / сост., вступ. статья и примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотнокова. М.: Раритет, 1995. С. 388–404, 391).

² См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. проф. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 311.

стотель относил к «правильным» формам, а Фома Аквинский — к «справедливым». Демос же представлялся им сборищем невежественных и безответственных бездельников.

Вот, например, как описывал «демократического человека» Платон: «Не так ли он и живет, продолжал я, что каждый день удовлетворяет случайному пожеланию? То пьянствует и услаждается игрою на флейте, а потом опять довольствуется одною водою и измощает себя; то упражняется, а в другое время предаётся лени и ни о чём не радеет; то будто занимается философией, но чаще вдаётся в политику и, вдруг, вскакывая, говорит и делает, что случится. Когда завидует людям военным — он пошёл туда; а как скоро загляделся на ростовщиков — он является между ними. *В его жизни нет ни порядка, ни закона: называя её приятною, свободою и блаженной*, он пользуется ею всячески»³ (во всех цитатах курсив мой. — М.К.).

Антидемократизм древних и средневековых мыслителей не был следствием снобизма. Просто они исходили из того, что власть — понятие *аристократическое*, то есть власть лучших, достойных (со временем аристократия стала отождествляться со знатностью). Как писал Аквинат, «если же управление осуществляется немногими, но обладающими *превосходными качествами* людьми, правление такого рода называется аристократия, т. е. *лучшая власть, или власть лучших*, тех, которые оттого и называются оптиматами»⁴. А в наше время И. А. Ильин, справедливо упрекавший демократию за её неизбежную беременность охлократией⁵, попытался вернуть понятию аристократии изначальный смысл. Он писал: «Государственная форма должна помочь ему [народу. — М.К.] осуществить своё видение и *выделить лучших*. Обычная, формальная избирательная процедура этому требованию не удовлетворит и проблему не разрешит, — ибо она отыскивает

по принципу личной заинтересованности людей *выгодных и угодных массе*, а не людей ценных и необходимых государству и народу в целом»⁶.

Мыслители Нового времени относились к демократии, скорее, равнодушно. Например, Т. Гоббс потому, что полагал: отнюдь *не форма определяет* характер государства⁷, а «*свобода одинакова* как в монархическом, так и в демократическом государстве»⁸. Писатели же эпохи Просвещения просто не считали демократию пригодной для реальной жизни. Так, Ш.-Л. де Монтескьё говорил, что если монархия и деспотия не нуждаются в добродетельном народе, ибо «*всё определяет и сдерживает сила законов* в монархии и вечно подъятая длань государя в деспотическом государстве»⁹, то «народное государство» может существовать лишь при обладании народом «*любви к законам и к отечеству*»¹⁰. Стоит народу развратиться, как это было в Афинах, Сиракузах, кромвелевской Англии, демократия падает. В ещё меньшей мере жизнённость демократии видел Ж.-Ж. Руссо: она, по его мнению, требует простоты нравов народа, полного равенства и отсутствия роскоши¹¹. Поэтому, резюмировал он, «если бы существовал народ, *состоящий из богов*, то он управлял бы собою демократически. Но Правление, *столь совершенное, не подходит людям*»¹².

⁶ Ильин И. А. Основы государственного устройства // Ильин И. А. Основы государственного устройства. Проект Основного Закона России. М.: Рарог, 1996. С. 42–59, 56.

⁷ См.: Гоббс Т. Левнафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / сост., ред. изд., авт. примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545, 143.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Монтескьё Ш. О духе законов // Монтескьё Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. Кн. 3. Гл. III.

¹⁰ См.: Там же. Кн. 4. Гл. V, а также: Кн. 8. Гл. II–IV.

¹¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998. С. 195–322, 255. Любопытно, что в вопросе о равенстве Руссо высказывал мнение, противоположное позиции Монтескьё. Последний как раз предупреждал об опасности для демократии «крайнего равенства» (см.: Монтескьё Ш. Указ. соч. Кн. 8. Гл. III).

¹² Там же. С. 256.

³ Платон. Политика, или Государство // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 307–654, 244–245.

⁴ Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л.: Наука, 1990. С. 217–244, 236.

⁵ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарог, 1993. С. 131.

2. Превращение «Гадкого утенка»

Почему же демократия превратилась в цивилизационный мейнстрим и даже прошла этап чуть ли не религиозного поклонения¹³? Краткий ответ может звучать так: исторические условия сложились таким образом, что в условиях тогдашней монархии оказалось невозможным реализовать идеи равного человеческого достоинства, неотчуждаемых прав человека, личной автономии, наконец, верховенства права.

Не сбылась мечта Монтескьё о просвещённом абсолютизме. Европейские монархи недооценили мощь социального запроса и не поверили, что идея человеческого достоинства может привести к восстанию. Гарольд Берман скорее, видимо, применил риторический приём, нежели высказал научное предположение, говоря: «Если бы царское правительство [в России. — М.К.] ввело эффективную конституционную монархию и перераспределило землю; если бы Бурбоны отделили церковь от государства, отменили пережитки феодализма и разрешили создание демократических институтов; если бы король Георг III даровал американским колонистам все права своих английских подданных и в дополнение разрешил им ввести демократические учреждения; если бы первые Стюарты приняли верховенство парламента; если бы каноническое право в XV веке поддалось примирительству и другим обстоятельствам, толкавшим его к реформе; если бы императоры и короли в XI веке вовремя отказались от своего главенства над церковью, — словом, если бы все они могли предвидеть неизбежное и произвести необходимые фундаментальные изменения в рамках существующего правового порядка, тогда, наверно, революций можно было бы избежать. Измениться вовремя — вот ключ к жизнеспособности любой системы права, которая

испытывает неодолимое давление меняющихся обстоятельств»¹⁴. Но в том-то и дело, что «предвидеть неизбежное», «произвести фундаментальные изменения» и т. п. очень трудно в жёстко иерархической системе, у которой почти нет такого свойства, как адаптивность, поскольку здесь существует единственный центр принятия решений, имеющий к тому же обратную связь. Возможно, Марии Антуанетте лишь приписывается известная фраза о хлебе и пирожных, но она ярко иллюстрирует умонастроения в королевских дворцах того времени. А изменения, действительно, требовались фундаментальные и очень болезненные для правящей элиты. Неудивительны ни яростный напор масс, ни упорное сопротивление ему.

Хотя устоялся термин «буржуазно-демократические революции», они, строго говоря, не были ни буржуазными, ни демократическими. Это были революции гуманитарные¹⁵, чей смысл состоял в институализации идей неотъемлемых и равных для всех свободы и достоинства. Достаточно перечитать американскую Декларацию независимости от 4 июля 1776 года или Декларацию прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года, чтобы убедиться в том, что речь там шла вовсе не о демократии, а, по большому счёту, об установлении того, что мы сегодня именуем верховенством права. Б. Н. Чичерин писал: «Идеи свободы и равенства с жаром были усвоены третьим сословием, которое находило в них оправдание своих исторических стремлений и самое сильное оружие против высших классов. В этих идеях вполне выражались те начала, которые третьи сословия издавна в себе носило. Возведение их на степень общечеловеческого права давало ему окончательное торжество над противниками. <...> Едва ли самая высокая политическая мудрость могла предупредить это внезапное падение старого здания. Французская революция была всемогущим проявлением идей, приготовленных веками, но совершенно несовместных с существующим порядком»¹⁶.

¹³ Как писал П. И. Новгородцев, «первые провозвестники демократической идеи соединяли с своей проповедью чисто религиозное воодушевление. Для них демократия была своего рода религией» (Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 394–395.) Гарольд Берман назвал либеральную демократию «первой великой светской религией на Западе» (Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ ; ИНФРА-М ; НОРМА, 1998. С. 47).

¹⁴ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Жестокий характер многих из этих революций не отменяет такого определения.

¹⁶ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. СПб. : Наука, 2016. С. 272–273.

Итак, демократия стихийно ворвалась в современную историю на плечах гуманитарных идей (Арнольд Тойнби верно назвал её «политическим выражением гуманизма»¹⁷). Воплощение этих идей в жизнь, пусть даже оно оказывалось далёким от идеала, позволяет *высвободить огромный заряд социальной энергии, реализовать гигантскому творческому потенциалу*. На это обратил внимание ещё Алексис де Токвиль: «Демократическая свобода не так совершенна во всех своих начинаниях, как разумный диктатор. Часто она бросает свои предприятия прежде, чем они начинают приносить результаты, нередко затевает опасные дела. Однако *со временем она приносит больше пользы, чем деспотизм. Каждая вещь в отдельности получается у неё хуже, но в целом она делает значительно больше*. В демократической республике большие дела вершатся не государственной администрацией, а без неё и помимо неё. Демократия — это *не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления*»¹⁸.

Разумеется, эта освобождённая энергия может создать ощущение неупорядоченности, хаотичности и даже анархии. «В страстном и суровом изображении Платона, — писал П. И. Новгородцев, — эта изменчивость демократии превращается в болезненное лихорадочное горение: с виду это лучшее из правлений, все становятся здесь свободными, всякий получает возможность *жить, как хочет, и устраивать свою жизнь, как ему нравится*; но именно вследствие того, что в жизни людей тут нет ничего твёрдого, никакого плана и порядка, никакой необходимости, всё здесь приходит в расстройство»¹⁹. Но дело обстоит как раз наоборот, ибо «сохраняя внутри социального порядка институты хаоса, мы обеспечиваем возможность изменения этого социального порядка, в том чис-

ле и *нереволюционного изменения*, в чём, собственно, и состоит *революционное достижение демократии*. То есть мы адаптируемся и видоизменяемся *без разрушения основ социального порядка*»²⁰.

3. Ассоциации вместо дефиниции

Социальные и экономические успехи демократических стран кардинально изменили отношение к демократии, и весь XX век её география расширялась по экспоненте. По подсчётам Роберта Дала (1999), в 1900–1909 годах существовало всего 8 демократических стран (17 % всех государств); в 1940–1949 годах — 25 (33 %), а по состоянию на 1994–1997 годы — уже 86 стран (45 % от общего числа)²¹. Однако вот что важно: ни Даль, ни другие исследователи давно уже не проводят грань между демократическими и недемократическими государствами по «числу правящих лиц». Тогда каков критерий демократии? В их множественности и состоит одна из *ловушек демократии*.

Даже один и тот же исследователь в одной и той же работе может понимать демократию по-разному. Например, автор предисловия к труду Токвиля Г. Ласки пишет, что «сначала это слово значило для него стремление к *уравновешиванию* всех сторон жизни общества. <...> В то же время он употреблял это слово для обозначения представительной формы правления. Иногда оно принимает у него значение “народ”, особенно когда он говорит о непокорных массах. Этим же словом он называл всеобщее избирательное право, а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики»²².

В аристотелевском, скорее даже в руссоистском духе понимали демократию большевики, дополнив, правда, это понимание классовостью (вспомнить хотя бы множество ленинских работ, где утверждается, что демо-

¹⁷ Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К. Я. Кожурин. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. С. 505.

¹⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц., предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. С. 192.

¹⁹ Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 390–391.

²⁰ Сатаров Г. А. Институты хаоса в социальном порядке: от первобытного общества до постмодернизма. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 29.

²¹ См.: Даль Р. Смещающиеся границы демократических правлений. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/sm_gran.php (дата обращения: 10.10.2013).

²² Токвиль А. де. Указ. соч. С. 16.

кратия не может быть «чистой», а только «буржуазной» или «пролетарской»). Правда, идеологема «пролетарская», она же «социалистическая», она же «народная демократия»²³, противопоставляла себя «буржуазной» не «социологически», а институционально, поскольку открыто отбрасывала разделение властей, идеологический и политический плюрализм, а поначалу даже всеобщее и равное избирательное право.

Возможно, именно такое спекулятивное понимание демократии подвигло Й. Шумпетера ввести в качестве основного её критерия «институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путём конкурентной борьбы за голоса избирателей»²⁴. Развивая эту мысль, К. Поппер говорил, что «при демократии народ может сместить правительство без кровопролития». Таким образом, если те, кто обладает властью, не охраняют социальные институты, обеспечивающие меньшинству возможность проводить мирные изменения, то их правление является тиранией»²⁵.

Демократия, перестав быть формой, заплатила за это потерей дефинитивности. Вместо дефиниции мы теперь имеем богатый букет ассоциаций. А. Пшеворский точно заметил: «Если поразмышлять над бесчисленными определениями демократии, то можно обнаружить, что демократия стала своего рода алтарём, куда каждый несёт свои наиболее предпочтительные жертвоприношения»²⁶.

Неопределённость даже побуждает некоторых учёных говорить о демократии лишь как об идеале. Так, Р. Даль потому вводит понятие *полиархии*, что призывает видеть разницу «между демократией как идеальной системой и общественными устройствами, которые рассматриваются как разновидности несовершенных приближений к идеалу. Опыт показывает, что обозначение обоих явлений одним и тем же термином приводит анализ к ненужной путанице и не относящимся к делу семантическим аргументам»²⁷. Схожую идею высказал и британский социолог Колин Крауч, говоря о «максимальной демократической модели (максимальной демократии)»²⁸.

Показателем разного понимания демократии служит и то обстоятельство, что примерно в двух десятках индексов демократии²⁹ учитываются совершенно разные параметры и по-разному ранжируются государства. Например, Индекс демократии, составленный исследовательской компанией «The Economist Intelligence Unit» (аналитическое подразделение британского журнала «Economist») разделяет страны на четыре группы: «полная демократия», «недостаточная демократия», «гибридный режим», «авторитарный режим» (в 2012 году, согласно этому Индексу, из 167 стран 25 признаны странами с «полной демократией», 54 — с «недостаточной». В 37 государствах (среди них Россия) режим назван «гибридным» и в 51 — «авторитарным»)»³⁰. А вот Индекс трансформации фонда Бертельсмана разделяет 129 транзитных стран на «устоявшиеся», «дефектные» и «сильно дефектные демократии», а также на «жесткие» и «умеренные автократии» (в докладе 2016 года к «устоявшимся демократиям» отнесены 11 государств, к «дефектным» — 16, к «сильно дефектным» — 41, к

²³ Если не знать идеологический контекст, можно подумать, что тут явная тавтология.

²⁴ Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995. URL: http://www.libertium.ru/lib_capsocdem (дата обращения: 04.05.2011). Ч. 4. Гл. 22.

²⁵ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие ораторы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 187.

²⁶ Пшеворский А. Защита минималистской концепции демократии // Теория и практика демократии: Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. С. 10–15, 10.

²⁷ Даль Р. А. Полиархия: участие оппозиции / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 15.

²⁸ Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 19 и др.

²⁹ См., например: Индексы развития государств мира: справочник / под ред. Ю. А. Нисевича. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

³⁰ См.: Economist Intelligence Unit: Индекс демократии стран мира 2012 года. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/03/19/5679> (дата обращения: 31.05.2016).

«умеренным автократиям» (среди них Россия) — 37 и к «жестким» — 24)³¹.

Я, однако, не собирався участвовать в дискуссии о сути демократии, тем более что к этой дискуссии вполне можно применить известное выражение британских судей о конституции («конституция — это то, что я понимаю под ней»). Речь о другом: нельзя забывать, почему понятие демократии (пусть оно и невероятно размыто) стало притягательным для множества людей. Ведь вовсе не народный суверенитет ценят люди. И не всеобщее избирательное право. И не политическую конкуренцию, позволяющую менять элиты. И даже свобода, связываемая с демократией, ценится лишь меньшинством. Демократия в массовом сознании совершенно разных обществ ассоциируется главным образом с правовой защитой личного достоинства; с правовой реакцией на полицейский или чиновничий произвол; с экономическим процветанием, которое достигается опять же, прежде всего, благодаря правовому порядку. Именно право, но право в его высоком понимании («высокое право») обеспечивает не просто экономическое процветание, но и социальную государственность. Давно минули споры, в которых некоторые считали, будто государство призвано «только осуществлять право; от всякого попечения о благосостоянии оно должно отказаться»³². Эта мысль обязана тому, что само право понималось слишком утилитарно. «Высокое право» немислимо без защиты человеческого достоинства, которое выражается в том числе в условиях материальной жизни, оцениваемых с позиций самых слабых.

В общем, демократия, и только в этом её ценность, ассоциируется с верховенством права, или с правовым государством. Именно государства с высокой степенью демократии обеспечивают высокий уровень правовых ин-

ститутутов и их эффективность. Показательно, что, если сравнить 25 государств, занимающих первые строки в Индексе Economist Intelligence Unit, с 25 верхними строками Индекса международной неправительственной организации World justice project³³, по которому измеряется степень реализации принципа верховенства права³⁴, можно увидеть, что 19 стран, относящихся к «полным демократиям», являются передовыми и в правовом отношении. И вот эту связь демократии и «высокого права» вполне можно утратить.

4. Опасность конфликта между двумя пониманиями демократии

Мы наблюдаем, как зреет бунт против традиционного истеблишмента. Яркий публицист и аналитик А. Баунов видит его причины в том, что «авангард человечества ушёл слишком далеко и заподозрен в предательстве. Возникло напряжение между лидерами развития и остальными, и появились политики, предлагающие способы это напряжение разрешить в пользу большинства: оставим тех, кто забежал вперёд, заставим отчитываться, вернём мебель, как стояла. <...> В похожих настроениях давно пребывает Иран и арабский мир, теперь к ним присоединяются Турция и Индия, Польша с Венгрией, Америка с Британией. Пусть у нас будет старая добрая Англия, кирпичные цеха и дымящие трубы, и Темзы жёлтая вода — символ экономической мощи, Европа XIX века, где суверенные великие державы договариваются друг с другом. Вернём старую Европу, без мусульман, арабов, без поляков — кому как нравится. Россию с матерью городов русских Киевом. А внутри — вернём элиты под контроль народа»³⁵.

³¹ См.: Transformation Index BTI 2016. URL: <http://www.bti-project.org/de/index/status-index/> (дата обращения: 21.06.2017).

³² *Эллинек Г.* Общее учение о государстве. Право современного государства. Т. 1 / под ред. С. И. Гессена. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. С. 180. Приведена мысль не самого Эллинека, а позиция определённого направления. Сам он как раз считал, что «государство, ограниченное функцией защиты права, никогда не существовало и не может существовать» (Там же).

³³ См.: WJP Rule of Law Index 2016. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/RoLI_Final-Digital_0.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

³⁴ Оценка проводилась по восьми критериям: 1) ограничение государственной власти; 2) порядок и безопасность; 3) регулирование правопорядка; 4) гражданское судопроизводство; 5) отсутствие коррупции; 6) открытость правительства; 7) уголовное судопроизводство; 8) фундаментальные права.

³⁵ *Баунов А.* Страна-дисидент. Что не так с глобальным бунтом России. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71286> (дата обращения: 21.06.2017).

Пока ещё большинство людей в западных обществах не отказываются от традиционных партий и их лидеров, во всяком случае голосуют за политиков, не намеренных ломать систему. Однако постепенно набирают популярность совершенно антисистемные политические силы. Когда и если они придут к власти, это будет не очередной качок политического маятника, а его остановка, ибо вместе с ценностями, которые несут с собой внесистемные силы, придёт и их понимание власти — как власти авторитарной.

Такая постановка проблемы не является новой. Например, ещё в 1906 году Е. Н. Трубецкой писал о «двух противоположных пониманиях демократии». При одном «народ не ограничен в своём властвовании *никакими нравственными началами*» и потому, «с точки зрения права силы, не может быть речи о каких бы то ни было неприкосновенных, незабываемых правах личности»³⁶. «Другое понимание демократии кладёт в основу народовластия незабываемые нравственные начала, и прежде всего — *признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой*»³⁷. Практически ту же мысль проводил Н. Н. Алексеев: «Трагизм демократии и заключается в том, что народ путём самоуправления, голосования, выборов *может отменить все те блага и ценности*, о которых говорил Перикл»³⁸.

С. Московичи видел опасность подмены высокого профанным, демократии охлократией, поскольку «*толпы ниспровергают основы демократии*, заложенные либеральной буржуазией и восстановленные социал-демократами. Они стремились к управлению посредством *элиты, выбранной на основе всеобщего избирательного права*. Их политика, определяемая экономическими и техническими реалиями и отказывающаяся видеть реалии психологические, обрекает их на перманентную слабость, так как последние

меняют всё дело»³⁹. А происходит такое потому, что «уровень человеческой общности стремится к низшему уровню её членов. Тем самым все могут принимать участие в совместных действиях и чувствовать себя на равной ноге. Таким образом, нет оснований говорить, что *действия и мысли сводятся к "среднему"*, они скорее на нижней отметке»⁴⁰.

Таким образом, хотя демократия давно уже не считается формой государства, опасность, о которой говорили мыслители древности, сохраняется и становится всё более ощутимой. Причины, в общем-то, понятны. В один узел сплелись разные факторы, во многом вызванные процессом, который называется *глобализацией*. Я не принадлежу к антиглобалистам. Не потому, что мне нравится этот процесс, а потому, что он объективный, и потому, что альтернативой ему служит только автаркия, ещё больше угрожающая гуманитарным ценностям. Основные факторы, о которых я говорю, следующие: 1) отчётливо ощущаемое неравенство — как между государствами, так и внутри них; 2) банализация терроризма и 3) столкновение культур вследствие массовой миграции. Фрустрированное этими побочными следствиями глобализации общество требует простых и понятных ответов. И этот запрос, естественно, порождает политиков, которые дают иллюзию таких ответов. Однако становится всё больше людей, кто не воспринимает эти ответы как иллюзию. И популизм (то есть предложение простых, а потому ложных решений сложнейших проблем, сопровождаемое апелляцией к низменным чувствам) становится всё более востребованным. Тем самым обнажается **фундаментальный конфликт: между демократией как комплексом ценностей свободы, надёжной правовой защиты личности и демократией как формализацией воли народа.**

5. Особенности демократической легитимации

Если вдуматься, различие форм государства обязано было не «числу правящих лиц», а

³⁶ Трубецкой Е. Н. Всеобщее, прямое, тайное и равное // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М.: Республика, 1994. С. 298–302, 302.

³⁷ Там же. С. 303.

³⁸ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 372–385, 383.

³⁹ Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. С. 62.

⁴⁰ Там же. С. 39.

способу легитимации власти. В монархии, при всех её исторических особенностях, в том числе в монархии выборной, власть легитимируется посредством обращения к категории сакральности. Э. Канторович, в частности, ссылаясь на У. Блэкстона, писал, что «если бы наследник короны был лишён гражданских прав из-за государственной измены или преступления, а впоследствии корона перешла бы к нему, то это очистило бы его *ipso facto*»⁴¹. Византийский иерарх, знаток и исследователь канонического права Феодор Вальсамон (XII в.) утверждал даже, что «коронование императора обладает тем же воздействием, что и крещение, отчего в случае с посвящением императора Иоанна Цимисхия (969–978) это действие стёрло все его прошлые преступления и грехи. Ту же самую идею отстаивал во Франции при Карле V [XIV век. — М. К.] Жан Голен: король благодаря помазанию настолько очищается от грехов, что уподобляется только что крестившемуся»⁴². В аристократии властвующие легитимируются на основе знатности или заслуженности. Таким образом, в этих двух формах признание права на власть в принципе не требует оценки и не предполагает выбора. Здесь как бы это право презюмируется и равным образом презюмируется способность властвовать.

Демократический способ легитимации в корне иной. В пределе тут имеет значение лишь воля формирующих власть. И если даже монарх или группа аристократов избираются, такое избрание, во-первых, производится узким слоем людей, а во-вторых, из очень ограниченного круга претендентов. При демократии мандат на власть теоретически (если отбросить ограничения пассивного и активного избирательного права) может быть предоставлен любому, а избирательный корпус тождествен всему взрослому населению.

Правда, известно, что, например, в афинской демократии практиковалось избрание на отдельные должности путём жеребьёвки. Некоторые французские просветители счи-

тали жеребьёвку даже более демократическим способом⁴³. Так, Солон, напоминая Монтеस्कье, «постановил, чтобы назначения на все военные должности производились по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребью». Подобная оценка была свойственна и Ж.-Ж. Руссо, писавшему, что «когда соединяют выборы и жребий, то первым путём следует заполнять места, требующие соответствующих дарований, такие как военные должности; второй путь более подходит в тех случаях, когда достаточно здравого смысла, справедливости, честности, как в судейских должностях; потому что в правильно устроенном Государстве качества эти свойственны всем гражданам»⁴⁴. Иными словами, «политически» более ответственные должности должны замещаться путём голосования, остальные — посредством жеребьёвки.

Жеребьёвка, казалось бы, подходит и для современной демократии, которая основана на стратегии случайного выбора. Как пишет Г. А. Сатаров, «выборы с их непредсказуемым исходом выполняют ту же функцию, что и лопатка оленя в руках шамана или кости и иголки в руках гадалщика»⁴⁵. Почему же при формировании власти практически не применяется жеребьёвка, которая ещё больше непредсказуема?

Адам Пшеворский считает, что смысл демократии состоит не в достижении консенсуса, а в «предотвращении драки»⁴⁶. Он, как и ряд других политологов и институциональных экономистов⁴⁷, смотрит на выборы как на показатель физической силы того или иного политического лагеря. Поэтому именно выборы «предоставляют информацию о каждом, кто бы восстал и против чего. Они сообщают проигравшим: “Таково распределение сил: если вы не подчинитесь правилам, установленным в результате выборов, то в вооружённой конфронтации вы, скорее всего, не сможете победить, а окажетесь повержен-

⁴³ См., например: Монтеस्कье Ш. Указ. соч. Кн. 2. Гл. II.

⁴⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 294.

⁴⁵ Сатаров Г. А. Указ. соч. С. 28.

⁴⁶ Пшеворский А. Указ. соч. С. 13.

⁴⁷ См., например: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

⁴¹ Канторович Э. Х. Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. 2-е изд., исп. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 80.

⁴² Там же.

ными», и победителям: «Если вы не устроите новые выборы или если присвоите себе слишком много власти, вы столкнётесь с серьёзным сопротивлением». В условиях диктатуры такой информации нет; поэтому для её получения нужна секретная полиция»⁴⁸. Что ж, на выборы можно, наверное, смотреть и с такой точки зрения. Однако у них, конечно же, есть и иные функции, что исключает жеребьёвку.

Во-первых, чем более развито общество, тем более оно *гетерогенно*. Эту гетерогенность в наибольшей степени отражают представительные органы, одной из задач которых является представление всех основных интересов и мировоззрений. А жеребьёвка не в состоянии этого обеспечить.

Во-вторых, современная демократия родилась вследствие резкого скачка активности масс. Распространение гуманитарных идей привело в движение огромное множество людей, которые впервые в истории начали осознавать себя субъектом. Поскольку революция (как пик социального конфликта, а не как радикальное изменение общественных отношений) не может продолжаться сколько-нибудь долго, постольку требовался *институализированный канал выхода народной энергии*. И наиболее естественным каналом стал процесс выборов.

В-третьих, неотъемлемым элементом демократии является *политическая ответственность* правящих, их *подконтрольность* обществу. Понятно, что жеребьёвка не обеспечивает такую возможность (например, потерявший доверие политик, не имеющий шансов быть избранным на новый срок, при жеребьёвке может вновь занять должность, стать депутатом и т. п.). А Пшеворский верно замечает: «Поскольку при избрании руководителей путём лотереи их шансы не зависят от их поведения, нет оснований ожидать, что они будут действовать на благо своих избирателей, чтобы добиться переизбрания, — связь между выборами и представительством отсутствует»⁴⁹.

Наконец, в-четвёртых (возможно, самое главное). Голосование на выборах — это определение того, *какие пути и методы развития* пользуются в обществе наибольшей популярностью и *каким людям* общество доверяет осуществлять развитие. Но как раз к этой функции демократия, считаю, относится весьма «легкомысленно», доверяя судьбоносные решения и тем, кто не очень или вообще не понимает место и задачи избираемого им органа (лица); и тем, кто голосует «по совету друзей»; и тем, кто ставит галочки в бюллетени «для смеха»; и просто равнодушным; наконец, тем, кто просто не ходит на выборы, но формально включается в имеющее юридическое значение «общее число избирателей». Понятно, что при отсутствии равных условий для конкуренции психологическая картина несколько иная, — сейчас я говорю об общей закономерности — *диффузии ответственности избирателя*, питаемой, с одной стороны, его массовостью, с другой — анонимностью. И это не «издержки демократии». Это — способ её самоубийства. Речь ведь не о том, что кто-то «неправильно» (и с чьей точки зрения?) голосует. Речь о том, что через плебисцитарную демократию общество, легитимируя режим личной власти, лишает себя и ближайшие поколения верховенства права, а с ним и других гуманитарных ценностей.

6. Можно ли обойтись без всеобщего избирательного права?

Демократия (и не только древняя⁵⁰) вполне полноценна без всеобщности. Г. Еллинек отмечал, что «из основных принципов современной демократии вытекает... идея *абсолютной политической равноценности индивидов*. Однако эта идея *отнюдь не проводится последовательно в отдельных учреждениях*. Как, с одной стороны, все выборы, так и, с другой стороны, многочисленные, требуемые законом или обычаем личные качества для занятия должностей в

⁴⁸ Пшеворский А. Указ. соч. С. 13.

⁴⁹ Там же. С. 11. Другое дело, что этот автор, как уже замечено, переводит проблему в русло вооружённого политического конфликта. С этих позиций также можно рассматривать демократию, но это далеко увело бы от задачи настоящей статьи.

⁵⁰ Историки считают, что «правоспособное население афинского полиса времён расцвета демократии составляло от 40 до 50 тыс. из 340–350 тыс. жителей» (Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М.: Институт государства и права РАН, 1997. С. 20).

демократической республике основаны на противоречащей её основному принципу квалификации индивидов *в зависимости от их личных достоинств*⁵¹.

И действительно, когда демократия в её современном понимании только рождалась, существовало распространённое и отчётливое понимание, что далеко не каждому гражданину следует доверить участие в формировании власти и определении путей развития страны. В данном случае я даже не говорю о прямых цензах (имущественных, гендерных, возрастных и др.). Были и более тонкие фильтры. Например, появление в Конституции США коллегии выборщиков президента вызвано как раз осознанием опасности эмоционального и некомпетентного массового голосования (до 1824 года президенты избирались лишь этой коллегией⁵²). В качестве стабилизатора народной стихии рассматривались и верхние палаты парламентов (начиная от порядка их формирования и кончая функциями). Однако постепенно эти и другие фильтры становились всё более формальными, а их значение снижалось. Неслучайно коллегию выборщиков неоднократно предлагалось убрать (было более семисот попыток внести конституционные поправки, ликвидирующие этот институт⁵³). Другими словами, напор вульгарного демократизма оказался настолько сильным, что превратил демократическую модель в очень хрупкую вещь.

Почти весь XIX век шли споры — и политические, и академические — о всеобщем избирательном праве. И многие авторитетные, в том числе либеральные, учёные высказывались против всеобщего права. Например, Б. Н. Чичерин писал: «Гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни. А для этого *требуется высшая способность*. Невозможно дать участие в управлении человеку,

не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому *неспособные должны быть устранены от участия в политических правах*»⁵⁴.

Общественный напор отмёл все такого рода суждения. Как утверждал Леон Дюги, «из принципа национального [народного. — М. К.] суверенитета вовсе ещё не вытекает логически и с необходимостью, чтобы членам нации, взятым индивидуально, принадлежало какое-либо право участия в публичной власти»⁵⁵. Однако «подобный вывод *не мог удовлетворить демократических тенденций, наполнивших собою весь XIX век* и приведших, начиная с 1848 г., во Франции к установлению всеобщего, прямого и равного избирательного права, а в других странах — или к установлению всеобщего избирательного права, или к постоянному его расширению»⁵⁶.

Понятны психологические (а не политические) истоки «демократического напора». Речь шла вовсе не о стремлении людей участвовать в политической жизни (в спокойные времена большинство заняты своими частными делами). Просто одно дело, когда ты не пользуешься своим правом, и другое, когда у тебя нет того, что есть у других, то есть ты находишься в категории «лишенцев» и чувствуешь себя «гражданином второго сорта».

Во многом именно демократия породила левую идею. И левые политические силы, которые позиционируют себя как единственные защитники «простого народа», всех «угнетаемых», добились избирательных прав для всех⁵⁷. Им кажется, что они всё больше раз-

⁵¹ *Еллинек Г.* Указ. соч. С. 535—536.

⁵² См., например: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789—2001 гг.) с историческим комментарием / пер. с англ., общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М.: Изд. дом «Стратегия», 2001. С. 32.

⁵³ См.: Там же. С. 33.

⁵⁴ *Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 37.

⁵⁵ *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / пер. с франц. А. С. Яценко, В. А. Краснокутского, Б. И. Сыромятникова / с предисл. к русскому переводу проф. П. Новгородцева и автора. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 115.

⁵⁶ Там же. С. 116.

⁵⁷ Например, Ленин с гордостью писал в 1905 году: «Нас упрекают за то, что мы “вдалбливаем” упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрек за комплимент. Наша задача в том и состоит, чтобы наряду с общими истинами с.-д. программы вдалбливать неустанно настоящие политические лозунги. Мы добились широ-

двигают горизонты свободы, но на самом деле разрушают цивилизацию, в том числе успешно навязывая идеи, размывающие, казалось бы, незыблемые моральные рамки. Левая идея (социалистического и либерального толка), разумеется, должна присутствовать в политическом спектре, а её приверженцы участвовать в политической конкуренции. Но должны быть рубежи, с которых нельзя отступать, ибо итогом такого отступления будет, повторю, сначала коллапс демократии, а затем евроатлантической цивилизации в целом с её стержнем — верховенством права.

Почему же удалось реализоваться тем самым «демократическим тенденциям», приведшим к всеобщему избирательному праву? Прежде всего, благодаря ложной, но притягательной *презумпции рациональности избирателя*⁵⁸.

Историк К. Галеев приводит такую иллюстрацию: «Самый высокий процент получателей продовольственной помощи (food stamps) в США зарегистрирован в округе Оусли, штат Кентукки — это 32 % домохозяйств. Белые составляют 95,8 % населения Оусли, территория находится на втором месте с конца в стране по медианному доходу. Округ традиционно голосует за республиканцев. В 2013 году Хал Роджерс, уже много лет представляющий Оусли в Конгрессе, проголосовал за полную отмену продовольственных карточек. Трудно найти более яркую иллюстрацию к тезису Дэвида Харви о том, что американские белые бедняки из националистических побуждений голосуют *против собственных экономических интересов*»⁵⁹.

Современные конституционалисты воспринимают всеобщность и равенство избирательного права уже как абсолютную данность. И только некоторые экономисты поз-

воляют себе осторожно усомниться в этом. Например, В. А. Мау ещё в 1999 году не побоялся предложить *временное* ограничение всеобщего избирательного права в России⁶⁰. Позже он попытался обосновать свою мысль о взаимосвязи модернизационных проектов «с возникновением определённых политических предпосылок, необходимых для современного экономического роста». В частности, он пишет, что после Славной революции 1688 года отнюдь не распространение политических прав и свобод *на всё население*, не *всеобщее* избирательное право, которое стало в Британии реальностью лишь в XX веке, привело к предпринимательской активности и затем «к невиданному в мировой истории ускорению экономического роста»⁶¹.

Примерно о том же говорит и А. А. Аузан: «Все сильные демократии современного мира *выросли из цензовой демократии*. Новым демократиям считается неприличным говорить о таком историческом факте. *Но мне неизвестен исторический путь, который был бы пройден по направлению к сильной демократии, минуя станцию цензовой демократии*»⁶². Правда, А. А. Аузан не призывает отменить всеобщее избирательное право, ибо, по его мнению, в XXI веке «применять рецепт цензовой демократии невозможно». Он предлагает «другими инструментами (разумеется, не цензовой демократией, а настройкой разделения властей и политической конкуренции) создавать сегментированный рынок спроса и предложения прав»⁶³. Конечно же, нельзя спорить, что нужно производить тонкую балансировку сдержек и противовесов, восстанавливать (а речь у него шла о России) систему политической конкуренции и проч. и проч. Но если говорить не только о модернизационном рывке и не только о России, этот рецепт окажется мало полезным, поскольку даже в сбалансированной системе власти в выборах принимают участие

чайшего распространения *ненавистной либералам «четырёххвостки»* (всеобщее, прямое, равное, тайное голосование)» (Ленин В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. М.: Политиздат, 1960. С. 196–208. 207).

⁵⁸ См. об этом, например: Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику / пер. с англ. Д. Горбатенко; науч. ред. А. Курыев. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012.

⁵⁹ Галеев К. Президент Красного пояса. Почему президентство Трампа противоречит долгосрочным интересам США // Новая газета. 2017. 23 января.

⁶⁰ См.: Мау В. Демократия должна себя защищать // Известия. 1999. 14 мая.

⁶¹ Мау В. Логика российской модернизации // Газета.ру. 2005. 5 июля. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2005/07/04_a_309315.shtml (дата обращения: 15.08.2006).

⁶² Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60, 59.

⁶³ Там же. С. 59–60.

и люди, не понимающие причинно-следственные связи или не задумывающиеся о них.

Уравнивание права избирать (активного избирательного права) с другими политическими правами и свободами наносит огромный вред ценностям конституционного государства. Ведь это право *особое*. Оно: а) реализуется в определённые государством (законом) дни; б) имеет смысл только при условии, что им воспользуются и другие граждане; в) в отличие от других прав и свобод, мнение гражданина остаётся никому не известным. Но главная особенность права избирать в другом. Его реализация являет собой *великое таинство* государственной жизни. Ведь суверен вручает власть тем, кто завтра будет регулировать многие стороны жизни составляющих его людей и наказывать их за нарушение правил. Можно сказать, граждане регулярно воссоздают или пересоздают то зримое и одновременно неувидимое, что именуется публичной властью. Как сформулировал А. С. Автономов, «в результате выборов власть, принадлежащая народу, передаётся его представителям»⁶⁴. В строгом, конституционно-правовом смысле власть, конечно, не передаётся, но обыденным сознанием воспринимается именно так. И вот, от того, кто эти представители, каков *человеческий субстрат* власти, зависит путь страны.

Уместно привести слова маркиза де Кондорсе, хотя и сказанные по другому поводу: «Избрание есть не делегация полномочий, а указание *способностей*. Уполномоченный народа, я сделаю всё, что считаю сообразным с его истинными интересами. Он послал меня не для того, чтобы поддерживать его мнения, а *чтобы изложить мои*. Он доверился не только моему усердию, а *моему просвещению*, и абсолютная независимость моих мнений есть одна из моих обязанностей по отношению к нему»⁶⁵. Таким образом, в институте выборов презюмируется некоторый *уровень компетентности избираемых* (неважно, о каком государственном органе идёт речь).

Компетентность здесь, разумеется, понимается в самом широком смысле, то есть включает не только знания, умения, навыки, но и ответственность, то есть способность предвидеть последствия своих решений и действий, а значит, требует самоограничений. Но большинство избирателей руководствуются, мягко говоря, не столько компетентностью кандидатов, сколько декларируемой ими приверженностью к определённому мировоззрению, что часто выражается в принадлежности к определённой партии. Такой подход как раз и способен приводить к некомпетентности правящего класса. Могут сказать, что здесь главную роль играет пассивное избирательное право. Его роль, разумеется, велика, и о нём нужно говорить отдельно. И всё же основная роль принадлежит активному избирательному праву.

Если исходить из необходимости обеспечить хотя бы минимальный уровень компетентности правящих, **требуется, чтобы и сам избирательный корпус обладал компетентностью**. «Политика, — писал И. А. Ильин, — по самому существу своему, требует от человека *повышенной квалификации*; совершенно вредно и бессмысленно вовлекать в неё всех»⁶⁶. Но политика — это не только участие в деятельности органов власти, но и в их формировании. Между тем мы перестали задумываться (да и задумывались ли когда-нибудь?), что процесс формирования публичной власти приравнивается, по сути, к некавалифицированному труду, который доступен любому. Это — как раз одно из следствий того, что «формальный» аспект демократии оказался самодовлеющим. Каков же выход?

7. Не цензовая демократия, а «входной билет» в демос

Сегодня по разным причинам бессмысленно говорить *об избирательных цензах*. Впрочем, некоторые авторы считают, что цензы сохранились по сей день, относя к ним возраст, гражданство (?! — М. К.), проживание и т. д.⁶⁷ Другие, наоборот, полагают, что «тер-

⁶⁴ Автономов А. С. Избирательная власть. М. : Права человека, 2002. С. 6.

⁶⁵ Цит. по: *Магазинер Я. М.* Общее учение о государстве: Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Пг. : Центральный издательский кооперативный союз «Кооперация», 1922. С. 383.

⁶⁶ Ильин И. А. Основы государственного устройства. С. 54.

⁶⁷ См., например: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. для вузов / отв. ред. А. В. Иванченко. М. : Норма, 1999. С. 33.

мин «всеобщее» показывает, что отсутствуют какие-либо законодательно установленные препятствия экономического, политического или культурного характера, а также по признаку расы, цвета кожи, пола, социального или национального происхождения, имущественного положения, и каждый гражданин может воспользоваться своим избирательным правом»⁶⁸. Это мнение представляется более верным, поскольку понятие «ценз» обычно трактуется не как требование, а как дискриминация по признакам, которые давно уже вошли в общепризнанную формулу равноправия. Именно поэтому *введение цензов не представляется ни реалистичным, ни целесообразным* (хотя некоторые публицисты и призывают к этому). Не только из-за сходства с дискриминацией, но и потому, что известен социально-психологический феномен: даже если какое-то благо не очень ценится, его лишение воспринимается весьма болезненно.

Паллиативом могло бы стать *неравное* избирательное право, которое также раньше применялось некоторыми государствами. Например, по бельгийской Конституции 1893 года добавлялись голоса (до трёх) в зависимости от имущественного состояния, положения отца семейства, университетского диплома и т. д.⁶⁹ Л. Дюги оправдывал это, считая, что «так называемая уравнительная система всеобщего избирательного права есть *нарушение истинного принципа равенства*», поскольку «хотя все индивиды — члены социального целого, но они оказывают обществу различные услуги и имеют различные способности»⁷⁰. Однако сегодня и такой способ будет воспринят как ценз и, следовательно, как дискриминация.

Выход видится в другом подходе, который можно назвать «**избиратель как должность**». Не скрою, во многом он основан на рассуждениях Дюги об избирательном праве и избирательной функции. Право выражать волю, по его мнению, принадлежит только нации в целом, тогда как гражданин может лишь «осуществлять *избирательную функ-*

цию»⁷¹. Из этой посылки он делал вывод: «Главное последствие, вытекающее *из функционального характера* выборов, заключается в том, что избиратель так же *обязан* вотировать, *как и всякое должностное лицо* обязано исполнять лежащую на нём функцию»⁷².

Действительно, государственному служащему, чтобы иметь возможность выполнять определённые государственные функции, мало состоять в гражданстве данного государства. Он должен обладать соответствующей квалификацией и согласиться с рядом ограничений. Соблюдение этих условий ничуть не противоречит установленному праву на равный доступ к государственной службе (см., например, ст. 32 Конституции РФ). «Равный» здесь означает равные условия для всех, кто **обладает необходимой компетентностью** (ярким подтверждением служит *конкурс* на замещение должности). Прямолинейное же понимание равенства в данной сфере привело бы к коллапсу государства, ибо люди, не имеющие соответствующих уровня и вида образования, физической и интеллектуальной способности, иногда жизненного опыта и т. д., реализовывали бы свои полномочия *вразрез с целями* своей должности.

Но разве не более высокого уровня компетентности предполагает функция участия в выборе направления развития страны и формировании органов публичной власти, которые устанавливают общеобязательные правила, осуществляют общий контроль над их соблюдением, возглавляют систему государственного управления и т. д.?

В этом смысле понятие «демократия» обладает интересной особенностью, на которой исследователи практически не останавливаются. Если в монархической и аристократической формах обладатели «верховой власти» *сами правят* или *возглавляют* (пусть даже формально) систему управления, то в демократической — суверен, главным образом, играет роль *источника власти*. Разумеется, современная демократия предполагает активное участие структур гражданского общества в жизни государства, но её смысловым стержнем по-прежнему является *выражение воли народа*. Придание ей абсолютного характера

⁶⁸ Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России и в зарубежных странах : учеб. пособие / под ред. А.А. Клишаса. М. : Норма, 2010. С. 152.

⁶⁹ См.: Дюги Л. Указ. соч. С. 123.

⁷⁰ Там же. С. 697—698.

⁷¹ Там же. С. 117.

⁷² Там же. С. 122.

делает незначимым то, *какова* эта воля и вообще *насколько* народ способен к квалифицированной политической рефлексии. Игнорирование этого момента, стремление приравнять «демос» к «народу», собственно, и привели к распространению всеобщего избирательного права.

Дело, разумеется, не в том, что большинство весьма часто оказывается неправо (между прочим, Священное писание пронизано этой мыслью, а среди Божьих заповедей за пределами Декалога есть такая: «*Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды*»⁷³). Дело в том, что значимость «избирательной функции» такова, что она может быть доверена лишь тем, кто способен и обязуется осуществлять её осмысленно, компетентно, ответственно. **Демократия, оставаясь формой, теряет всякий содержательный смысл.** Собственно, такое понимание из современной демократии никуда не ушло: например, к голосованиям не допускаются лица, моложе определённого возраста, а также страдающие психическими заболеваниями, то есть те категории граждан, которые не могут свободно, осмысленно и ответственно выражать свою волю. Однако в отношении остальных граждан *почему-то* действует презумпция осмысленности и ответственности. Но чем более усложняется публичная жизнь, чем более широкими, разнообразными и действенными становятся формы информационного воздействия на людей, подчас перерастающие в пропагандистское воздействие, тем меньше оснований у данной презумпции.

Повторю, моя идея состоит не в возвращении к цензовому и/или неравному избирательному праву. Идея состоит лишь в том, чтобы понятию «воля народа» придать характер осмысленного и компетентного выбора, который позволяет ввести хотя бы минимальные гарантии того, что народ осознаёт свою ответственность (в том числе перед будущими поколениями).

Как этого добиться? Как раз посредством проведения аналогии с публичной службой, то есть установлением ряда условий, при которых гражданин, с одной стороны, может *самостоятельно определить*, собирается ли он серьёзно относиться к своей избиратель-

ной функции, с другой — общество удостоверяется, что гражданин *способен* голосовать компетентно и ответственно.

8. Некоторые предложения по обеспечению минимального уровня компетентности

В порядке дискуссии предлагаются следующие условия.

1. Гражданин должен, прежде всего, заявить о своём желании быть избирателем при выборах органов государственной власти (при выборах органов местного самоуправления целесообразно сохранить существующий порядок). В этих целях он *регистрируется в качестве избирателя* в любое время, кроме периода со дня назначения выборов и до дня их проведения, лично подавая заявление в территориальное подразделение государственного органа, уполномоченного осуществлять регистрацию. Уполномоченный орган поверяет *отсутствие у заявителя препятствий*⁷⁴ для осуществления права голосовать и при их наличии отказывает в регистрации.

2. Ответственность за принятие решения о регистрации в качестве избирателя существенно повышается, поскольку означает согласие гражданина взять на себя *юридическую обязанность участвовать в выборах* органов государственной власти. Неучастие без уважительных причин будет влечь за собой *административное наказание* (скорее всего, в виде ошутимого штрафа).

3. Наконец, самое главное. Исходя из фундаментальной важности выборов (впрочем, это зависит во многом от того, как устроена система власти), те, кто желают участвовать в процессе формирования органов власти и определения путей и методов развития страны, должны доказать свою хотя бы минимальную *гражданскую способность* выполнять такую публичную функцию. В качестве главного условия для включения в избирательный корпус предлагается *сдача ква-*

⁷⁴ Об этих препятствиях в настоящей статье не говорится, так как это составляет предмет отдельного анализа. Здесь могу лишь сказать, что, например, может быть повышен возраст, позволяющий осуществлять активное избирательное право; оно не должно распространяться на государственных служащих и лиц, занимающих в данный момент государственные должности.

⁷³ Исх. 23: 2.

лификационного экзамена. О содержании такого экзамена, его организации и т. п., наверное, можно было бы написать отдельную статью. Поэтому ограничусь лишь самым важным.

Гражданин должен показать, что он понимает, как в целом устроена система власти, какова компетенция основных публично-властных институтов — федеральных и региональных. Наряду с этим он должен на элементарном уровне знать основы экономики. Чтобы такое требование не превращалось в дискриминационное, государство обязано либо само создать, либо способствовать созданию сети краткосрочных курсов, где желающие могли бы получить соответствующие знания.

9. Возможные проблемы

Конечно же, всё предложенное — не гарантия компетентности и ответственности избирателя. Но, во-первых, в социальной сфере не бывает жёстких закономерностей, аналогичных природным. А во-вторых, я лишь хотел поднять вопрос и призвать к дискуссии, в ходе которой могут быть предложены и иные способы. Дискуссия могла бы проходить не только вокруг этого, но и по поводу некоторых проблем, которые могут возникнуть при реализации предложенной идеи. На поверхности лежат, например, такие проблемы.

Первая состоит в том, что на каких-то избирательных участках (в основном, в сельской местности, в малых городах и т. п.) может не оказаться достаточного числа избирателей. Однако такая проблема преодолима, если вся избирательная система, в том числе правила нарезки избирательных округов и участков, будет перестроена под новую систему выборов.

Вторая проблема — более серьёзная. Как писал Н. И. Лазаревский, «власть без физической силы не власть, физическая сила для власти необходима, но не в ней источник власти». Физическое принуждение можно применять к нескольким строптивым непокорным, если они находятся в среде, в общем проникнутой желанием подчиняться власти. По отношению же ко всему населению сплошь физическая сила не может быть основой власти, не может быть ею уже потому, что на деле этою физическою силою,

превосходящую силу всего населения, всей его массы, государственная власть никогда не обладает. Наполеон III⁷⁵ говорил, что со штыками всё можно сделать, но сидеть на них нельзя»⁷⁶. Впрочем, «сидеть на штыках» нельзя не только потому, что «физическая сила не может быть основой власти», но и потому, что «физическая сила» сама зависима от общества (народа, населения)⁷⁷. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «даже тот, кто намерен управлять с помощью янычар, вынужден считаться с их мнением и с мнением о них остального населения»⁷⁸. О том же говорил и К. Шмитт, утверждая, что лояльность чиновничества и армии зависит от степени легитимности политической власти⁷⁹. Таким образом, легитимность хотя и весьма расплывчатое понятие, но всё же его можно свести к признанию обществом законности (правомерности) данного публично-властного института, его права осуществлять власть.

Будет ли обеспечена достаточная степень легитимности органов государственной власти, избранных не на основе всеобщего избирательного права? Как ни противоречит это рассуждениям, характерным для конституционно-правовых исследований, скажу, что тут многое будет зависеть от численности желающих зарегистрироваться в качестве избирателей и насколько состав такого электората будет соответствовать пропорциям социального состава населения в целом.

Понятно, что могут быть выдвинуты и другие аргументы против отказа от всеобщего изби-

⁷⁵ Ортега-и-Гассет считал, что эти слова были сказаны Наполеону (Бонапарту) Талейраном: «Штыки, сир, годятся на всё, кроме единственного — нельзя на них усидеть» (*Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс : сб. / пер. с исп. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 119).

⁷⁶ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I: Конституционное право. СПб. : Тип. АО «Слово», 1908. С. 70.

⁷⁷ В данном случае я применяю все эти термины как тождественные, хотя они обозначают понятия, имеющие разный смысл.

⁷⁸ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 119.

⁷⁹ См.: Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдошова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдошов. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 221–304, 232–233.

рательного права. Но мы должны понять: на кону судьба тех ценностей, ради которых, собственно, и существует конституционное право.

Библиографическое описание:

Краснов М. Избиратель как «должность» // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 13–29.

The voter as a “function”

Mikhail Krasnov

Doctor of Sciences in Law, Tenured Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: mkrasnov@hse.ru).

Abstract

For over two and a half millennia democracy has undergone an evolution. It has emerged along with monarchy and aristocracy as one of three forms of state, and was for the most part perceived negatively both by antiquity thinkers such as Plato and Aristotle and modern thinkers such as Hobbes and Rousseau, although the latter did not criticize democracy in principle, instead considering it unrealistic. But since the late eighteenth century, democracy has begun to be associated with complex humanitarian values, particularly freedom, equality, and recognition of human dignity. However, the essence of democracy – which is giving power to the people – has not changed. And since this essence is reflected, among other places, in the gradual expansion of the categories of voters and has led to universal suffrage, the author believes that democracy may lose the substance for which it was enthusiastically embraced two centuries ago. Based on this standpoint, the article discusses possible ways of neutralizing this danger, including a narrowing down of the electorate. The author believes that neither random selection nor voter qualifications nor unequal voting is appropriate to ensure a competent electorate. For this reason, the author suggests a different approach that can improve the meaningfulness of voting and the responsibility of the voter. With Leon Duguit setting the foundation of citizen participation in elections as a function and not a right, the author presents the reader such propositions as registering individuals as voters such as to oblige them to participate in elections, as well as introducing required testing to that one must pass to become a voter.

Keywords

democracy; universal suffrage; electoral qualification; form of state; form of government; draw; elections.

Citation

Krasnov M. (2017) *Izбирatel' kak "dolzhnost"* [A voter as a “function”]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 13–29. (In Russian).

References

- Akvinskiy F. (1990) O pravenii gosudarey [On sovereign rule]. In: *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope VI–XVII vv.* [Political structures of the feudal epoch in western Europe during the 6th to 17th centuries], Leningrad: Nauka, pp. 217–244. (In Russian).
- Alekseev N. N. (1998) O garantiynom gosudarstve [On the guaranteed state]. In: Alekseev N. N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian people and the state], Moscow: Agraf, pp. 372–385. (In Russian).

- Andreeva G. N., Starostina I. A. (2010) *Izбирatel'noe pravo v Rossii i v zaru-bezhnykh stranakh: uchebnoe posobie* [Voter rights in Russia and in foreign countries: a textbook], A. A. Klishas (ed.), Moscow: Norma. (In Russian).
- Auzan A. A. (2007) “Koleya” rossiyskoy modernizatsii [The “gauge” of Russian modernization]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 54–60. (In Russian).
- Avtonomov A. S. (2002) *Izбирatel'naya vlast'* [Electoral authority], Moscow: Prava cheloveka. (In Russian).
- Baunov A. (2017) *Strana-dissident. Chto ne tak s global'nym buntom Rossii* [Dissident Country: What is wrong with the global protest of Russia]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71286> (accessed: 21.06.2017). (In Russian).
- Berman G. Dzh. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Berman G. J. The Western tradition of law: Epoch of formation], 2nd ed., Moscow: Izdatel'stvo MGU; INFRA-M; NORMA. (In Russian).
- Chicherin B. N. (2016) *O narodnom predstavitel'stve* [On the people's representation], Saint Petesburg: Nauka. (In Russian).
- Dal' R. (1999) *Smeshchayushchiesya granitsy demokraticeskikh pravleniy* [The dislodged borders of democratic rule]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/sm_gran.php (accessed: 10.10.2013). (In Russian).
- Dal' R. A. (2010) *Poliarkhiya: uchastie oppositsii* [Polyarchy: Participation of the opposition], S. Denikina, V. Baranov (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom Vysheyshkoly ekonomiki. (In Russian).
- Dyugit L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Duguit L. Constitutional law. A general theory of the state], A. S. Yashchenko, V. A. Krasnokutskogo, B. I. Syromyatnikova (transl.), Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina. (In Russian).
- Ellinek G. (1908) *Obshchee uchenie o gosudarstve. Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1* [A general teaching of the state. The law of the modern state. Vol. 1], S. I. Gessen (ed.), 2nd ed., Saint Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova. (In Russian).
- Galeev K. (2017) *Prezident Krasnogo poyasa. Pochemu prezidentstvo Trampa protivorechit dolgosrochnym interesam SSHA* [The red-belt president. Why the Trump presidency contradicts the long-term interests of the United States]. *Novaya gazeta*. 23 January. (In Russian).
- Gobbs T. (1991) *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* [Gobbs Th. Leviathan, or Material: The form and authority of the church and civil state]. In: Gobbs T. *Sochineniya. T. 2.* [Writings. Vol. 2], V. V. Sokolov (ed.), Moscow: pp. 3–545 (In Russian).
- Il'in I. A. (1993) *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness], Moscow: Rarog. (In Russian).
- Il'in I. A. (1996) *Osnovy gosudarstvennogo ustroystva* [The foundations of state order]. In: Il'in I. A. *Osnovy gosudarstvennogo ustroystva. Proekt Osnovnogo Zakona Rossii* [The foundations of state order: A project on the basic law of Russia], Moscow: Rarog, pp. 42–59. (In Russian).
- Ivanchenko A. V. (ed.) (1999) *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya vuzov* [Electoral law and electoral process in the Russian Federation: A textbook for universities], Moscow: Norma. (In Russian).
- Ivanyan E. A. (ed.) (2001) *Inauguratsionnyye rechi prezidentov SSHA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural speeches of presidents of the United States from George Washington to George Bush (1789 to 2001)], Moscow: Strategiya. (In Russian).

- Kantorovich E. H. (2015) *Dva tela korolya: Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [Two bodies of the king: Research on medieval political theology], M. A. Boytsov, A. Yu. Seregina (transl.), 2nd ed., Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russian).
- Kaplan B. (2012) *Mif o ratsional'nom izbiratele: pochemu demokratii vybirayut plokhuyu politiku* [The myth of the rational voter: Why democracies choose bad policy], D. Gorbatenko (transl.), A. Kuryaev (ed.), Moscow: IRISEN; Mysl'. (In Russian).
- Korkunov N. M. (2004) *Leksii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law], 2nd ed., Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. (In Russian).
- Kovler A. I. (1997) *Krizis demokratii? Demokratiya na rubezhe XXI veka* [A crisis of democracy? Democracy on the frontier of the 21st century], Moscow: Institute of State and Law, RAS. (In Russian).
- Krauch K. (2010) *Postdemokratiya* [Post-democracy], N. V. Edel'man (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Lazarevskiy N. I. (1908) *Leksii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. I: Konstitutsionnoe pravo* [Lectures on Russian state law. Vol. I: Constitutional law], Saint Petesburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva "Slovo". (In Russian).
- Lenin V. I. (1960) V khvoste u monarkhicheskoy burzhuzii ili vo glave revolyutsionnogo proletariata i krest'yanstva? [In the tail of the monarchical bourgeoisie or at the head of revolutionary proletariat and serfdom]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 11* [Complete collection of writings. Vol. 11], Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Magaziner Ya. M. (1922) *Obshcheye uchenie o gosudarstve: Kurs lektсий, chitanykh v Petrogradskom universitete v 1918–1922 gg.* [General teachings on the state: A course of lectures read at Petrograd University in from 1918 to 1922], 2nd ed., Petrograd: Central'nyy izdatel'skiy kooperativnyy soyuz "Kooperatsiya". (In Russian).
- Mau V. (1999) Demokratiya dolzhna sebya zashchishchat' [Democracy must defend itself]. *Izvestiya*, 14 May. (In Russian).
- Mau V. (2005) *Logika rossiyskoy modernizatsii* [The logic of Russian modernization]. Available at: http://www.gazeta.ru/comments/2005/07/04_a_309315.shtml (accessed: 15.08.2006). (In Russian).
- Montesk'e Sh. (1955) O dukhe zakonov [Montesquieu Ch.-L. On the spirit of the law]. In: Montesk'e Sh. *Izbrannye proizvedeniya* [Montesquieu Ch.-L. Selected works], M. P. Baskin (ed.), Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
- Moskovich S. (1996) *Vek talp* [A century of crowds], Moscow: Centr psikhologii i psikhoterapii. (In Russian).
- Nisnevich Yu. A. (ed.) (2013) *Indeksy razvitiya gosudarstv mira: spravochnik* [Indices of state development across the world: A reference], Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. (2011) *Nasilie i social'nye poryadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and social order: A conceptual framework for interpreting the written history of humans], D. Uzmaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova (transl.), Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russian).
- Novgorodtsev P. I. (1995) Demokratiya na rasput'e [Democracy at a crossroads]. In: Novgorodtsev P. I. *Sochineniya* [Writings], Moscow: Raritet, pp. 388–404. (In Russian).
- Ortega-i-Gasset H. (2002) *Vosstanie mass* [The rise of the masses], Moscow: AST. (In Russian).
- Platon. (2003) *Politika, ili Gosudarstvo* [Politics, or the State]. In: Platon, Aristotel'. *Politika. Nauka ob upravlenii gosudarstvom* [The science of state administration], Moscow: EKSMO; Saint Petersburg: Terra Fantastica, pp. 307–654. (In Russian).
- Popper K. R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2: Vremya lzheprokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [The open society and its enemies: The time of false-prophets: Hegel, Marx, and other oracles]. V. N. Sado-vskiy (ed.), in 2 vols., Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa". (In Russian).
- Pshevorskiy A. (2006) Zashchita minimalistskoy konseptsii demokratii [A defense of the minimalist concept of democracy]. In: *Teoriya i praktika demokratii: Izbrannye teksty* [The theory and practice of democracy: Selected texts], V. L. Inozemtsev, B. G. Kapustin (eds.), Moscow: Ladomir, pp. 10–15. (In Russian).
- Russo Zh.-Zh. (1998) Ob obshchestvennom dogovore, ili printsipy politicheskogo prava [Rousseau J.-J. On the social contract, or principles of political law]. In: Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [Rousseau J.-J. On the social contract: Treatise], Moscow: Kanon-Press, Kuchkovo pole, pp. 195–322. (In Russian).
- Satarov G. A. (2006) *Instituty haosa v social'nom poryadke: ot pervobytnogo obshchestva do postmodernizma* [Institutes of chaos in the social order: From the first society to postmodernism], Saint Petesburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (In Russian).
- Shmitt K. (2013) Legal'nost' i legitimnost' [Schmitt C. Legality and legitimacy]. In: Shmitt K. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [Schmitt C. The state: Law and policy], O. V. Kil'dyushov (transl.), V. V. Anashvili, O. V. Kil'dyushov (compilers), Moscow: Territoriya budushchego, pp. 221–304. (In Russian).
- Shumpeter J. A. (1995) *Kapitalizm, socializm i demokratiya* [Schumpeter J. A. Capitalism, socialism, and democracy], V. S. Avtonomov (ed.), Moscow: Ekonomika. Available at: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem (accessed: 04.05.2011). (In Russian).
- Toynbi A. Dzh. (2009) *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad civilizatsiy* [Toynbee A. J. A study of history: the genesis, growth, and fall of civilization], K. Ya. Kozhurin (transl.), Moscow: AST; AST Moskva. (In Russian).
- Tokvil' A. de (2000) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
- Trubetskoy E. N. (1994) Vseobshcheye, pryamoye, taynoe i ravnoe [General, direct, secret, and equal]. In: Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [The meaning of live], A. P. Polyakova, P. P. Apryshko (compilers), Moscow: Respublika, pp. 298–302. (In Russian).